

Рустем и Зораб: Рустем и Кейкавус

Category: Kitarsu, Poemalar

написано kitarsu | 25 января, 2025

Рустем и Зораб: Рустем и Кейкавус Книга четвертая. Рустем и Кейкавус. Ссора, примирение, поход

I.

Когда письмо от Гездехема
Гонец поспешный Кейкавусу
В его столице Истахаре
Вручил и сделалось известно
Царю, какая собиралась
Гроза на области Ирана, —
Он ужаснулся и немедля
Созвал верховный свой совет.
И собралися к Кейкавусу
Его вельможи: Ферабор
(Сын царский и наследник трона),
Гудерс, Кешвад, Шехэдем, Тус, Рохам,
Гургин, Милат, Фергас, Бехрем и Геф.
И, Гездехемово письмо прочтя им, царь
Сказал: «Зораб мне этот страшен;
Он овладел без боя Белым Замком,
Твердейшею защитой наших граней;
Там двух вождей надежных мы имели —
Но старый убежал,
А молодой врагу отдался в руки:
Гудерс, не можешь похвалиться ты
Своим Хеджиром; у тебя
Так много сыновей — зачем же
Из них мы выбрали такого,
Который был не в силах одолеть
Туранского молокососа?

Но, правда, пишет Гездехем,
Что этого молокососа
Один Рустем лишь одолеет;
Скажите ж, верные вельможи,
Что делать нам? Послать ли за Рустемом?»
И в голос все воскликнули: «Послать!»
И было решено, чтоб царь
Письмо к Рустему написал
И чтоб с письмом без замедленья
Был Геф, Рустемов зять, отправлен.

II.

И Кейкавус письмо такое
К Рустему написал:
«Ирана щит, Сабула обладатель,
Великий царский пехлеван,
На нас гроза с Турана поднялася;
Врагами схвачен Белый Замок;
Их вождь, по имени Зораб,
Летами юноша, а силой
Пожар, землетрясенье, гром,
От семенгамских происходит,
В народе говорят, царей.
И пишет вождь наш Гездехем,
Что этого богатыря
Не одолеть нам, что один
Лишь ты с ним силою сравнишься.
Я свой совет верховный собрал,
И все советники мои
Со мной согласны, что тебя
Нам должно вызвать из Сабула,
Что лишь твоя рука от царства
Такою гибель отразит.
Итак, зову тебя, Рустем,
Венец, убранство, щит царя,
Спасительная пристань царства,

Твердыня трона, войска слава,
Ирана жизнь, Турана смерть;
Спеши, спеши; когда получишь
Мое письмо, сидишь ли – встань,
Стоишь ли – не садись;
Идешь ли в замок – не входи;
Но в тот же миг вели подать
Доспехи, бросься на коня,
И пусть с тобою конь твой славный,
Твой Гром, летит небесным громом,
И ты, Ирана гром защитный,
Будь громом бедствия Турану».

III.

Царь Кейкавус, окончив
И запечатав пестрым воском
Свое письмо, послал с ним Гефа;
И Геф, как из лука стрела,
Помчался; день и ночь скакал он;
Забыв о пище и ночлеге,
Не думая о том, куда вела
Дорога, под гору иль в гору,
И было ль ведро иль ненастье;
И бодрый конь его не уставал,
Как будто чуял он,
Куда, к кому и с чем
Спешит седок неутомимый.
Гонца увидя вдалеке,
Рустем послал к нему навстречу
Зевара, брата своего,
И был обрадован, когда
Зевар к нему явился с Гефом.
«Зачем ты, зять мой дорогой, –
Спросил Рустем, – пожаловал в Сабул?
Что мне привез? Письмо от Кейкавуса?
Подай». И, прочитав письмо,

Рустем задумался; он долго, долго
Сидел в молчанье грустном,
Потупив голову и неподвижно
Глаза уперши в землю.
И так с собой он говорил:
«Я думаю о днях прошедших;
Все бывшее давно воспоминаю;
Как настоящее, опять
Оно передо мною ныне
Свершается... Невероятно,
Чтоб этот чудный воин был
Мой сын; и если подлинно имею
Я в Семенгаме сына, он
Еще теперь дитя, еще его
Игрушки забавляют.
Конечно, быть орлом орленку суждено;
Но мой орленок испытать
Еще не мог своих орлиных крыльев,
Еще теперь сидит он на гнезде
И ждет своей поры;
Когда ж его пора наступит,
Взлетит он высоко,
Второго в нем Рустема
Увидит свет. Так, если вправду
Родился сын Темине от Рустема,
То скоро громкая о нем
По всей земле молва раздастся,
И он придет по праву славы
Сказать мне: «Я твой сын». И не врагом
Он встретится со мною в поле,
А жданным гостем постучится в двери
Отцовского жилища; и ему
Отворятся они гостеприимно;
И будет праздновать отец,
Созвавши сродников, друзей и ближних,
Свое свиданье с милым сыном;
И в нем моя помолодеет старость».

IV.

Так рассуждал с собою грозный воин,
И мысли черные теснили
Его взволнованную душу;
Но что ее волненья было
Причиной – он того не ведал.
Вдруг он очнулся и гонцу,
Который, вовсе им забытый,
В молчанье ждал его ответа,
Сказал: «Спешить нам нужды нет;
Ты нынче гость мой; прежде
С тобой мы здесь, как должно, попируем;
Потом и в путь. Еще большой беды я
В случившемся для них не вижу;
Что страшно им, то мне смешно;
И оттого, что старый сумасброд,
Испуганный турецким смельчаком,
Без боя сдал наш замок порубежный,
Им чудится, что враг
Уже стоит перед столицей,
И должен я, встревоженный их бредом,
Скакать к ним голову сломя.
Пусть подождет премудрый Кейкавус;
Мне нынче нет охоты воевать:
Нежданный гость пожаловал ко мне;
Хочу его я на просторе
Повеселить, и сам повеселиться
С ним заодно. Забудем, милый зять,
За пенной чашею на время
Военные тревоги; расскажи
Поболе мне теперь
О дочери и внучатах моих
И жизни дерево зеленое со мной
Полей вином животворящим.
А ты, Зевар, пойдя и учреди
Скорее пир богатый;

Земное все уходит легкой тенью –
Хочу с тобой и с нашим Гефом
Упитья сладостным вином
До полного забвения
О скоротечности земного счастья».

V.

Так старый воин говорил;
На языке его был пир веселый;
А на душе лежал тяжелый камень
Предчувствия, похожего на робость.
Зевар пошел готовить пир;
А Геф пошел за тестем
В его великолепный замок;
И заикнуться не посмел он
О строгом повеленье шаха:
Он знал, как было плохо
Ломать копье с упрямым стариком,
И думал: «Сам, как знаешь, после
Ты разочтешься с Кейкавусом;
С тобою пировать я рад;
Твоим вином мой запыленный
Язык я промочу, а завтра
Коням мы прыти придадим,
И быстрота нам возвратит
Часы, потерянные ленью».
Весь день роскошный длился пир
В богато убранных палатах;
Как розы, пламенно сияя
На темной зелени кустов,
Благоуханно угощают
Звонко поющих соловьев,
Так и хозяина и гостя
Младые девы сладкопеньем
И сладкой пищей угощали;
Враги, война и Кейкавус

Забыты были в шуме пира;
Одни лишь пламенные щеки,
Одни лишь свежие уста
Являлись их очам, и не потоки
Лиющей в сраженьё крови,
А пурпур благовонный
Вина сверкал пред ними в драгоценных,
Лилейною рукой молодых
Невольниц подносимых чашах.
В веселье шумном день и вечер,
Вином запитые, исчезли;
Заискрилась звездами ночи
Глубокая пучина неба,
Заискрились кипучей пеной
Вина последнего фиалы;
И наконец могучий хмель
На мягком ложе сладкой силе
Сна миротворного их предал.

VI.

И рано на другое утро
Явился Геф, готовый в путь.
Но в путь еще Рустем не собирался.
«На что спешить, – сказал он, – добрый гость;
И этот день с тобою мы,
Откинув всякую заботу,
В веселье проведем.
Кто знает, близко ль, далеко ли
Беда и где ее мы встретим?
Пока под кровлей мы домашней –
Не станем помышлять
О буре, воющей кругом.
Быть может, что уж в этом доме боле
Мы никогда так веселы не будем;
Сдается мне, что здесь в последний раз
Моих родных и милых ближних

Я угощаю. Подойдите ж,
Мой брат Зевар и зять мой Геф, ко мне;
Ты, Геф, садися с правой,
А ты, Зевар, садися с левой
Моей руки; и помогите пить мне
Душеусладное вино.

Мне в эту ночь все снилось
О сыне, снилось, будто сын
Нашелся у меня; и это мне
Напомнило, что о Зорабе я
Тебя еще не расспросил подробно;
Садися ж, Геф, и расскажи
За чашею вина
Мне сказку о Зорабе».

Он сел; по правую с ним руку
Сел Геф, по левую Зевар;
Вино запенилося в кубках,
И пир с музыкой, пеньем, пляской,
Как накануне, закипел.

Под шум его задумчиво Рустем
Рассказы слушал о Зорабе
И думы черные свои
Вином огнистым запивал.

Так день прошел, и вечер миновался,
И наступила ночь, и хмель могучий
Опять их предал тихой власти
Миротворительного сна.

VII.

Наутро так же рано,
Готовый в путь, пришел
К Рустему Геф; но, видя, что Рустем
По-прежнему не торопился в путь,
Ему сказал он: «Выслушай без гнева
Меня, отец; не раздражай царя;
Ты ведаешь, как бешено он вспыльчив;

Ты ведаешь, в каком он страхе
С тех пор, как враг ворвался в наши грани:
Не ест, не пьет, не спит, не видит и не слышит
Наш Кейкавус; ему везде
Мерещится Зораб. Поедем,
Рустем; позволь мне Грома оседлать;
Твоим упорным замедленьем
Жестоко будет шах прогневан». –
«Не бойся, Геф, – отвечивал Рустем, –
Никто мне в свете не указчик;
И твердо знает Кейкавус,
Что царствует в Иране он
По милости Рустема;
Он знает, что моя рука
Всегда его вытаскивать умела
Из ям, в которые своей виною
Он безрассудно попадал.
Но я согласен; нам пора
Отправиться в дорогу;
Вели мне Грома оседлать,
И едем». Так сказав, Рустем
Вином наполнил кубок,
Окинул мрачными глазами
Палату пировую
И всех своих домашних,
Вино все разом выпил
И, кубок вдребезги разбив,
Велел трубить поход.
На громкий зов Рустемовой трубы
Вмиг собрались Рустемовы дружины.
Окинув их железный строй глазами,
Рустем подумал: «С ними
На целый свет могу войною выйти». –
И, за себя Зевару поручив
Начальство над сабульской ратью,
Он сел на Грома
И поскакал вперед

Сам-друг с отважным Гефом.
И трубы загремели,
Знамена развернулись,
Заржали грозно кони,
Пошли вперед дружины.

VIII.

Когда молва достигла в Истахар
О приближении Рустема,
Все первые вельможи: Ферабор,
Гудерс, Кешвад, Шехэдем, Тус, Рохам,
Гераз, Гургин, Милат, Ферхаб, Бехрем –
На день пути к нему навстречу вышли.
Сын шахов Ферабор и вождь верховный Тус
Сошли с коней, его увидя;
Сошел с коня, увидя их, Рустем;
И сделали приветствие друг другу.
Блестящей их толпою окруженный,
Рустем в столицу въехал,
И с торжеством его ввели они
В палату, где великий царь
Их ждал, сидя на троне.
Но было сумрачно и гневно
Его лицо; не отвечав ни слова
На поздравительные клики
Своих вельмож, он грозно закричал,
Оборотясь на Гефа и Рустема:
«Кто ты, Рустем,
Чтоб с дерзостью такую
Топтать ногами
Святые царские слова?
Когда б в моей руке был меч,
К моим ногам бы во мгновение
Твоя упала голова.
Ты, вождь мой Тус, закуй их в цепи,
И чтоб теперь же тесть и зять

На виселице оба
Перед народом заплясали». .
Так в исступленье гнева
Кричал на троне Кейкавус;
И все кругом его вельможи
В оцепенении стояли.
Когда ж увидел шах,
Что повеленье медлил
Его исполнить Тус,
Он крикнул с трона, как орел
Кричит с высокого утеса:
«Предатель сам, кто руку наложить
На дерзкого предателя не смеет!
Бери их, Тус, я повторяю;
И с ними с глаз моих долой;
Чтоб мигом не было их духу!
И чтоб никто не смел мне прекословить!»

IX.

Так он вопил; и было горько Тусу
Его исполнить повеленье;
Он за руку Рустема взял,
Чтоб из очей озлобленного шаха
Его увести и дать свободу
Утихнуть бешенству царя, –
При этом виде все вельможи
Затрепетали. Но Рустем,
Не замечая ничего,
Смотрел горящими глазами,
Как лев, увидевший змею,
На шаха; он, казалось, вдруг
Стал целой головою выше,
Стал вдвое шире грудью и плечами;
И он сказал: «А ты кто, чтоб меня
Так дерзостно позорить?
Ты шах, но шах по милости моей.

Грози же петлею не мне,
А своему Зорабу. Разве я
Твой подданный? Я царства пехлеван;
Я князь Сабулистана вольный;
Иль ты не знаешь, что, когда
Я топаю ногою – подо мной
Дрожит земля; когда мой скачет конь –
От топота его шумит все небо
И, быстроте его чудяся,
Поток бежать перестает?
Иль ты забыл, что я Рустем,
Что мой престол – седло, что шлем – моя корона?
И кто же ты, чтоб петлей мне грозить?
И кто твой Тус, чтоб руку на Рустема
Поднять в повиновенье
Безумной ярости твоей?»
При этом слове он так сильно
Ударил Туса по руке,
Что тот упал на землю, оглушенный.
Через лежачего Рустем
Перешагнул, толпу раздвинул
И вышел с Гефом из палаты.
И все вельможи, Кейкавуса
Оставив одного на троне,
Пошли поспешно за Рустемом.
Они его нашли перед крыльцом
Сидящего на Громе. Он с седла
Им закричал: «Простите все; прости,
Иран. В Сабул я возвращаюсь;
В Сабуле я такой же царь,
Как здесь, в Иране, Кейкавус.
Теперь как знаете с Тураном сами
Ведите свой расчет; Сабул
Я отстою. А если здесь с царем Ирана
Случится то же, что с Хеджиром,
И если царский Истахар,
Как Белый Замок, будет схвачен

Врагами, в том не обвиняйте
Рустема. Горе, горе царству,
Когда царем владеет нетерпенье
И необузданная ярость!»
Сказав, он крикнул – Гром помчался;
Рустем исчез как привиденье.
Недалеко отъехав по дороге
В Сабул, остановился он
В гостинице, чтоб на покое там
Дождаться брата
С дружинами Сабулистана.

Х.

Из глаз Рустема потеряв,
Вельможи – без него, как стадо
Без пастуха, оставшись – обратились
К Гудерсу и ему сказали:
«Теперь лишь ты один, Гудерс,
Помочь в беде великой можешь;
Твои советы любит шах;
Пойди к нему и в волны
Его погибельного гнева
Пролей твоих советов
Мирительное масло.
А ты скачи за тестем, Геф,
И догони его, пока Сабула
Он не достиг». И Геф пустился в путь.
Гудерс пошел к царю.
Его увидел он, уединенно
Сидящего на троне;
Он был угрюм, но тих; он был
Подобен туче громовой,
Готовой, отблистав и отгремев,
Дождем свежительным пролиться.
И так ему дерзнул сказать Гудерс:
«Могучий повелитель,

Царь – голова, а царство – тело;
Но в голове для тела должен быть
Советником рассудок; у кого же
Советник свой молчит,
Тот слушайся чужого
И не стыдись исправить зло,
Поспешно сделанное в гневе;
Из уст неосторожно бросил
Ты оскорбительное слово –
Пошли за ним мирительное вслед;
Обиду ты нанес строптивой речью
Тому, кого щадить велит рассудок, –
И ею был не он один обижен:
Ты пристыдил нас всех его стыдом;
Рустема в петлю! А Рустем
Тебя на трон отцовский посадил,
И он же трона
Твердейшая опора;
Что ж будет нам, когда Рустема в петлю?
И что же с царством будет без Рустема?
Теперь изломан меч Ирана,
Иссохла мужества рука,
Плотины нет на вражье наводнение.
Все наши витязи известны Гездехему –
А что нам пишет Гездехем? –
Что ни один из нас против Зораба
Не устоит, что на него
Одна гроза – Рустем. Но где же
Теперь Рустем? За промедленье
Двух дней тобой он изгнан навсегда.
Меня к тебе твои вельможи
И с ними сын твой Ферабор
Прислали умолять, чтоб ты
Благоволил с Рустемом примириться.
Никто, ни Ферабор, твой сын, –
Сколь он ни силен, ни отважен, –
Ни бодрый твой военачальник Тус,

Ни я с осьмидесятью сыновьями
Тебя не защитим. Один Рустем
Твоя надежная защита».
Сказавши так, Гудерс умолкнул.

XI.

И к сердцу принял Кейкавус
От сердца сказанное слово;
Он отвечал: «Пословица святую
Нам правду говорит, что стариков
Совета полные уста –
Вернейшие хранители царей.
Я сам теперь раскаиваюсь горько,
Что оскорбительное слово
В кипенье гнева произнес.
Ступайте ж все к Рустему и зовите
Его обратно в Истахар
На мир и доброе согласие
С своим царем». – «Хвала царю!» – воскликнул
Гудерс. И возвратиться
Он поспешил к вельможам, ожидавшим
Его с великим нетерпением.
Царево сердце ненадежно
(Так рассуждали меж собою
Они в неведенье, смирится ль шах иль нет);
Одно и то же слово может
В нем гнев и милость возбудить.
Подобно маслу наше слово;
Царево ж сердце то огонь,
То море бурное – огню
Дает двойную силу масло,
А море бурное оно покоит.
Так царские вельможи говорили;
Но мрачные печалью лица их
Вдруг стали радостию светлы,
Когда принес им весть благую

Гудерс. «Теперь Иран спасен! –
Они воскликнули. – Поедем
Скорей все вместе за Рустемом;
Его догнать нам должно прежде,
Чем он достигнет до Сабула».

XII.

И все они отправилися в путь;
И ехали весь день, всю ночь;
И той гостиницы достигли,
Где выбрал свой ночлег Рустем,
Где Геф его нагнал и где
Он на покое ждал Зевара
С дружинами Сабулистана,
Решась упорно, вопреки
Всем убежденьям Гефа,
Не возвращаться в Истахар.
Но вместо брата он увидел
Перед собой вельмож Ирана.
Они к нему смиренно подошли;
Почтительно он встал, чтоб их принять.
И, выступя вперед, сказал ему Гудерс:
«Рустем, мы присланы от шаха
Тебя просить, Ирана пехлеван,
Чтоб ты с ним примирился.
О том же просим мы
И именем всего Ирана, просим
За наших юношей, в бою
Себя еще не испытавших;
За наших опытных мужей,
С тобой ходивших на врага
За славою, победой и добычей;
За наших хилых стариков;
За наших жен, детей и внучат;
За весь народ, за весь Иран;
Ты их твердыня, их надежда;

Не отдавай же царства в жертву
Свирепому Турану за одно
Тебя обидевшее слово.
Ты ведаешь, как опрометчив,
Как безрассудно гневен шах:
На слово он ругательное скор,
Но так же скор и на признание
Своей вины; с раскаянием он
Свою тебе протягивает руку;
Не отвергай ее, Рустем.
Тебя ужалившее слово
Не ядом напоенный меч,
А легкий звук – забудь, Рустем,
О легкой, несмертельной ране
И возвратися в Истахар,
Где ждет тебя нетерпеливо
С удвоенным благоволеньем шах».

XIII.

Рустем отвечивал угрюмо:
«Скажите шаху Кейкавусу,
Что мне ни виселиц его,
Ни царских милостей не нужно.
В Сабул я еду; там я царь,
Такой же царь, как он в Иране.
Мне надоело воевать;
Довольно я играл
Своею жизнью и чужою
На службе шаха – он меня
И наградил по милости своей.
Спасибо. Мы с ним кончили расчет.
К тому же в этот раз мне было
Невесело с Сабулом расставаться;
Мой Гром на самом рубеже
Ирана спотыкнулся; я впервые
Почувствовал, что шлем и панцирь

Мне тяжелы, – когда ж обратно
Поехал я, мой конь запрыгал
И радостно заржал. Простите ж, добрый
Вам путь, но я вам не попутчик». –
«Рустем, – сказал Гудерс, – не может быть,
Чтоб это был последний твой ответ.
Тебя твой царь обидел, правда;
Но руку он на примиренье сам,
Признав себя виновным, подает –
Чего ж еще желаешь боле?
И что подумает Иран,
Такой ответ услышав?
Не скажут ли: Рустем,
Состарившийся лев, бежит
От львенка молодого;
Рустем Зораба испугался;
Орел наш крылья опустил;
Не смеет он лететь на высоту:
Там носится другой орел,
Его моложе и отважней;
Вот отчего ему так было
Невесело с Сабулом расставаться;
Вот отчего и Гром на рубеже
Ирана спотыкнулся и впервые
Рустему шлем и панцирь стали
Так тяжелы. Потерпишь ли, Рустем,
Чтоб про тебя молва такая
Вдруг по всему Ирану разнеслася
И чтоб она постыдным о тебе
Преданьем перешла к потомкам?»
Рустем, сверкнув глазами тигра,
Воскликнул: «Геф, подай мне Грома».
И, слова не сказав Гудерсу,
Он на кипучего коня
Вскочил и поскакал путем обратным;
И все за ним вослед
Толпою шумною помчались.

XIV.

С Рустемом примирившись,
На пир веселый Кейкавус
Созвал своих вельмож. И длился
Их пир до самой поздней ночи.
А той порой, когда в царевых
Палатах праздновали гости,
Веселая Молва
По городу гуляла,
Во все входила дома,
Неспящим улыбалась,
Заснувших пробуждала,
Разглаживала всем
Приятной вестью лица.
Вдруг ей попался кто-то
Навстречу, столь же грустный
И мрачный, сколь она
Была в своем полете
Светла и весела.
И, громко засмеявшись,
Летунья у него
Спросила: «Кто ты, плакса?» –
«Меня, – он отвечал ей, –
Зовут Печальным Слухом;
Я по всему разнес Ирану,
Что шах поссорился с Рустемом
И что Рустем оставил Истахар;
И всех мои тревожат вести». –
«Зажми же рот, – сказала
Веселая Молва, –
С Рустемом примирился
Твой гневный Кейкавус;
Они теперь пируют
И ссору запивают
Вином благоуханным».
Печальный Слух с сомнением покачал

Своей косматой головою;
За это рассердилась
Веселая Молва,
И началась драка.
Печальный Слух был неуклюж,
Веселая Молва
Была легка, проворна;
И мигом был Печальный Слух,
Прибитый, из города выгнан;
И снова начала она
По улицам летать,
И где ни пролетала,
Воздушную летунью
Старик и молодой,
Здоровый и недужный,
И бедный и богатый –
Ласкали, миловали;
Кому ж на сон грядущий
Услышать удавалось
Ее живое слово,
Тот сладко засыпал,
Обвеянный толпою
Веселых сновидений.

XV.

Когда на следующий день
Явилось солнце и, раздернув
Востока занавес пурпурный,
Среди лазоревого неба
Свое воздвигло золотое
Всеосеняющее знамя,
Когда на пажитях земли
Под песню жаворонков звонких
Стада пространно зашумели, –
Труба военная столицу огласила,
И весь народ на площадь Истахара

Шумящею толпою побежал:
Там, разделяясь на дружины,
Шло войско мимо Кейкавуса;
И перед каждою дружиной
Был вождь ее; а позади
Всей рати, отделясь от прочих,
Великий царства пехлеван,
На грозном Громе ехал
Рустем один. Не вел дружины он;
Но в нем одном была душа
Всего бесчисленного войска.
Его сабульской дружиной
Военачальствовал Зевар;
А главным воеводой рати
Был Тус, испытанный боями.
Когда же царь все войско осмотрел –
Знамена заиграли,
Тимпаны загремели,
Задрезжали трубы,
Заржали грозно кони,
Пошли вперед дружины.
И, разлиясь широким наводнением,
Шло войско к рубежам Ирана;
Под ним земля стонала и тряслась;
От топа конского дрожали горы;
От кликов тучи расшибались;
Стотысячно лик солнца отражался
На панцирях, на конских сбруях;
Как на пригорках в бурю
Волнуются вершины сосен,
Так волновались перья и султаны
На шишаках и на тюрбанах;
И там земля, как пестрый луг, сияла,
Где войско шло; но где оно прошло,
Там все являлось голой степью,
Там были все ключи иссушены
И в пыль растоптаны все нивы.

И скоро войско на границе
Ирана стан свой утвердило
В виду горы, на высоте которой,
Окрестности владыка, Белый Замок
Стоял, как туча громовая,
И в глубине той тучи громовой
Таился молния Зораб. Poemalar